

На правах рукописи

Худорожкова Ольга Владимировна

**Рецептивная история баллад Ф. Шиллера
«DER TAUCHER» («Нырятьщик») и «DER HANDSCHUH» («Перчатка»)
в русской и немецкой словесности XIX – XXI веков**

Специальность: 10. 01. 01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2009

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное сочинение посвящено рецептивной истории баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в русской и немецкой литературной традиции XIX-XXI вв.: в нем предпринята попытка реконструировать полную рецептивную картину бытования шиллеровских текстов в оригинальной и переводящей словесности на всех рецептивных уровнях: для оригинальной – это история интерпретации и адаптации, для переводящей – перевод, интерпретация и адаптация.

Одним из приоритетных направлений развития современной литературоведческой науки стало изучение межнациональных литературных отношений. Это вполне закономерно, так как рассмотрение литературы одной страны вне мирового художественного процесса неизбежно оказывается ограниченным.

«В развитии художественной словесности бывают периоды, когда процесс внутренней эволюции какой-либо национальной литературы подводит ее к общественной коллизии, уже нашедшей свое выражение в творчестве писателя другой национальности. Создаются условия для усвоения творческого наследия этого писателя другой национальной культурой, а само его имя так тесно вплетается в ее внутреннюю литературную жизнь, что в дальнейшем сама эта литература делается уже не полностью понятна без этого "чужого" писателя»¹. Творчество Шиллера органически вплелось в развитие русской литературы. Произведения немецкого поэта получили свою собственную жизнь в русской литературе; мотивы, образы и идеи Ф. Шиллера повсеместно проникали в оригинальные творения русских литераторов классического периода, таких как Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский; этот процесс – появления новых переводов шиллеровских текстов и их реминисцентных отблесков в оригинальном

---

¹ Лотман Ю.М. Новые материалы о начальном периоде знакомства с Шиллером в русской литературе. ruth@tartu.msk.ru

творчестве русских писателей – продолжается и до сего дня: поэзия Ф. Шиллера оказалась близкой и читателю XX века, она продолжает сопровождать человека и в наступившем XXI столетии.

Имя Ф. Шиллера в русской литературе неразрывно связано с именем В.А. Жуковского: при всей избирательности своего отношения к наследию немецкого поэта он все же стал именно тем единственным эквивалентным переводчиком, которому удалось создать хрестоматийный для русской литературы поэтический стиль русских переводов из Шиллера и сформировать совокупность шиллеровских текстов, особенно актуальных для русского эстетического сознания.

В современной научно-исследовательской литературе, посвященной творческому наследию В.А. Жуковского и Ф. Шиллера, создана необходимая база для целостного изучения творчества этих поэтов. Однако при всей объемности накопленных фактов и разнообразии концептуальных подходов как к истории рецепции Шиллера русской литературой, так и к проблеме своеобразия переводов Жуковского из Шиллера, нельзя сказать, что эти темы закрыты для дальнейшего исследовательского внимания. Продолжают оставаться актуальными: а) сравнительно-типологический аспект проблемно-эстетической значимости творчества Шиллера в немецкой и русской литературах, репрезентативно представленный основной проблематикой литературоведческих интерпретаций его наследия немецкими и русскими учеными; б) поэтика и творческая история переводов Жуковского из Шиллера, в особенности балладных, степень и формы влияния этих переводов на русскую поэзию; в) наконец, такая специфически-переводоведческая проблема, как выяснение возможных причин ситуации множественного перевода, далеко не всегда возникающей в переводящей литературе даже по отношению к общепризнанным шедеврам иноязычного писателя – эта последняя совершенно не привлекала внимания отечественных литературоведов в связи с балладной дилогией Шиллера «Der Taucher» и «Der Handschuh», имеющей в русской литературе насыщенную

рецептивную историю, начало которой положено именно переводами Жуковского, стимулировавшими творческие опыты второстепенных поэтов. Исследования, посвященные творчеству менее известных русских поэтов – переводчиков Шиллера и, в частности, его балладной дилогии, также зачастую остаются за рамками исследовательских приоритетов.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что рецептивная история творчества Шиллера в России является одним из ведущих направлений современного литературоведения, а история русских переводов баллад «Der Taucher» и «Der Handschuh», которая, начавшись почти при жизни их автора, не прекращается до сих пор, содержит в себе значительный научно-исследовательский проблемный потенциал.

Таким образом, **объектом** диссертационного исследования являются баллады Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка), рассмотренные в двух рецептивных аспектах: это своеобразие их интерпретации и бытования в оригинальной (немецкой) и переводящей (русской) словесности XIX-XXI вв.

Актуальность предпринятого исследования, засвидетельствованная непрерывным появлением новых современных переводов шиллеровских текстов и их живой функциональностью в современной русской литературе, обусловлена его существенной необходимостью для сравнительного литературоведения, основывающегося на установлении фактов взаимодействия различных литератур и культур, изучении русско-немецких литературных связей, в частности обстоятельств рецепции баллад Ф. Шиллера в России, а также проблемы восприятия баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) русской литературой и их влияния на творчество русских поэтов XIX-XXI вв.

Отечественное литературоведение обращалось к рецептивной истории баллад Ф. Шиллера, как правило, в связи с частными проблемами, целостного исследования рецепции баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) именно в качестве балладной

дилогии, комплексного изучения полной совокупности русских переводов этих баллад, реминисценций их образности и сюжетосложения в оригинальной русской поэзии, а также истории их литературно-критического осмысления до сих пор не предпринималось – и тем более не предпринималось никаких попыток осуществить подобного рода исследование в сравнительно-типологическом аспекте, на фоне той рецептивно-интерпретационной традиции, которая сложилась в немецкой словесности и немецкой науке о литературе.

Научная новизна исследования заключается в том, что настоящая диссертация является первым монографическим описанием истории немецких и русских литературно-критических и научных интерпретаций баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка), исследованием максимально полной совокупности их переводов русскими поэтами XIX-XXI вв., а также реконструкцией рефлексов их образности и сюжетосложения в оригинальной русской лирике. В процессе работы над диссертацией в научный оборот введен значительный пласт впервые привлекаемых к исследованию литературно-критических и научных работ немецких авторов. В диссертационном сочинении проведен комплексный анализ переводов баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) В.А. Жуковским в двух взаимодополняющих исследовательских системах координат: они рассмотрены и как переводы в соотношении с оригиналом, и как своего рода «литературные факты» (Ю.Н. Тынянов) русского литературного процесса, определившие собой одну из заметных жанрово-тематических линий в становлении русской лирики и лиро-эпоса в их несомненном влиянии на интерпретацию проблематики шиллеровской дилогии в России и на поэтику последующих переводов этих текстов русскими поэтами-переводчиками.

Методологической базой исследования являются историко-литературные и теоретические труды отечественных и зарубежных литературоведов (Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Гаспарова), работы

компаративистов (В.М. Жирмунского, А.Н. Веселовского, Р.Ю. Данилевского) и переводоведов (Ю.Д. Левина, А.В. Федорова, Е.Г. Эткинда), давшие образцы изучения поэтики, рецепции и интерпретации произведения.

Комплексный подход к изучению проблемы детерминирует **методику** исследования. В ее основу положен сравнительно-исторический метод, базирующийся на сопоставлении перевода с подлинником, которые рассмотрены в социокультурном контексте и в системе философско-эстетических взглядов обоих творческих субъектов. Кроме того, в работе практикуется сочетание элементов культурологического, биографического и историко-функционального анализа, позволяющего на основе собранных фактов проследить специфику рецепции баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) как в рамках той культурной традиции, в которой они созданы, так и за ее пределами в процессе межкультурной коммуникации.

Цель диссертационного исследования – обозначить основные направления и проблематику изучения баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в немецком и русском литературоведении, а также реконструировать их рецептивную историю в русской и немецкой литературах, выявить особенности восприятия их смыслов и воздействия этого рецептивного фактора как на поэтику и идеологию переводов данных баллад, так на и оригинальные произведения русских литераторов XIX-XXI вв. – потребовала решения следующих **задач**:

1. Систематизации обширного фактографического материала, связанного с проблемой источников сюжетов баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка), который создал основную проблематику литературоведческих интерпретаций этих баллад в немецком литературоведении;

2. Осмысления особенностей литературно-критических и литературоведческих интерпретаций баллад Шиллера в русской филологической традиции;

3. Целостного анализа эталонных хрестоматийных переводов В.А. Жуковского, заложивших основу русской рецептивной традиции в отношении этих баллад;

4. Выявления особенностей воздействия переводов В.А. Жуковского на последующие переводы баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) русскими поэтами;

5. Рассмотрения характерных поэтологических особенностей переводов баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) русскими поэтами переводчиками XIX-XXI вв.;

6. Изучения реминисценций из баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в творчестве русских поэтов;

7. Осуществления сравнительно-типологического анализа немецких пародий на баллады Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) и русских пародий на их переводы как репрезентативного показателя адаптированности этих текстов немецким и русским эстетическим сознанием.

В соответствии с поставленной целью **материалом** исследования стали а) труды немецких литературоведов, посвященные балладной диалогии Шиллера, б) немецкие пародии на их тексты, в) опубликованные в России в течение XIX-XXI вв. переводы баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка), г) критические рецензии и пародии на русские переводы данных баллад, д) их литературоведческие исследования. С этой целью были фронтально просмотрены около тридцати периодических изданий начиная с первой трети XIX в., в том числе такие журналы, как «Сын Отечества», «Благонамеренный», «Библиотека для Чтения», «Отечественные записки», «Дамский Журнал», «Северные цветы» и др. Для освещения вопроса об источниках сюжетосложения баллад Ф. Шиллера, которые представляют собой несомненную ценность для изучения творческой истории шедевра, были использованы опубликованные и хранящиеся в архивах г. Йены и г. Веймара (Германия) материалы старинных

испанских романсов, а также немецких письменных памятников, начиная с XVII в. По мере необходимости привлекались черновые рукописи, письма писателей их переписка, дневники, документальные источники.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования ее материалов при чтении литературоведческих курсов по истории русско-немецких литературных контактов и компаративистским дисциплинам, при разработке спецкурса в области теории и практики художественного перевода, а также в эдиционной практике при составлении комментария к текстам переводов шиллеровских баллад, принадлежащих русским поэтам XIX – XXI вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Баллады Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырятьщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) являются неизменным объектом научно-исследовательского интереса немецкого и русского литературоведения и постоянным творческим импульсом для русских поэтов и переводчиков: при всей разности проблемных поворотов исследований и типологических особенностях интерпретации в двух национальных культурных традициях, абсолютная величина этого интереса свидетельствует о сопоставимом с немецким уровне эстетической и идеологической актуальности баллад Шиллера для русской литературы.

2. Несмотря на то, что переводы В.А. Жуковского для русской словесности являются хрестоматийными эквивалентами этих шиллеровских текстов, они не закрывают данную лироэпическую тему и не блокируют инициативу переводчиков своим очевидным совершенством – это свидетельство значительного полисемантического потенциала как шиллеровских текстов, так и их интерпретаций русским поэтом.

3. Своеобразие восприятия баллад Ф. Шиллера в России обусловлено особенностями интерпретации шиллеровских текстов В.А. Жуковским, а также особенностями национального эстетического сознания русских поэтов-переводчиков.

4. Мотивы баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) получили отражение в оригинальных произведениях классиков русской литературы, писателей «второго ряда», и даже совершенно периферийных писателей, что говорит об органичном вхождении этих текстов в русское эстетическое сознание.

5. Пародии на баллады Ф. Шиллера демонстрируют адаптивные аспекты рецепции и являются показателем эстетической и идеологической актуальности баллад Ф. Шиллера и в Германии, и в России.

Апробация работы: отдельные положения исследования представлены в виде докладов на IV Международной научно-практической конференции «Прикладная филология и инженерное образование» (Томск, 2006), на VI Международной научно-практической конференции «Международная коммуникация: теория и практика» (Томск, 2006), на V Международной научно-практической конференции «Прикладная филология и инженерное образование» (Томск, 2007), на VI Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию основания Томского политехнического университета и 100-летию первого выпуска сибирских инженеров (Томск 2007). Основные положения и результаты исследования отражены в 4 публикациях.

Диссертационное сочинение состоит из основной части (введение, две главы, заключение, список использованной литературы), занимающей 179 страниц, и Приложения, в котором помещены подстрочные переводы оригиналов баллад Шиллера и тексты немецких пародий на баллады «Ныряльщик» и «Перчатка», также сопровождаемые подстрочниками. Список цитируемой и используемой литературы включает 219 наименований, общий объем работы 276 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, изложены его основные теоретические и историко-литературные предпосылки,

аргументированы актуальность и научная новизна диссертационного сочинения, обозначен объект изучения и методологические основы предпринятого исследования, изложена история вопроса, описана практическая значимость работы, сформулированы ее цели, задачи и положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Рецептивная история баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырятьщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в России»** посвящена комплексному анализу русских переводов баллад Ф. Шиллера и сюжетно-тематическим и образно-лексическим реминисценциям их поэтики в произведениях русских поэтов.

В первом параграфе **«История переводов баллад Ф. Шиллера как проблема рецептивной эстетики»** русские переводы баллад Ф. Шиллера XIX-XXI вв. проанализированы в их хронологической последовательности, в синхроническом и диахроническом аспектах, что позволило выявить тенденцию к дискретности восприятия этих текстов как проблемно-тематически взаимосвязанных. Вслед за первыми переводами, выполненными в России в начале 1820-х гг. поэтами второго ряда (И. Покровский, Н. Девиште, А.В. Тимофеев, П. Алексеев, Н.Н. Голованов), реинтерпретацию баллад Ф. Шиллера предпринимают и знаковые фигуры русской поэзии, не столько переводчики, сколько оригинальные национальные поэты, такие как В.А. Жуковский и М.Ю. Лермонтов. Однако и после появления их реинтерпретаций, ставших общепризнанными хрестоматийными переводами баллад Шиллера, лирическая тема «Кубка» и «Перчатки» не остается закрытой в России: непрерывная цепочка переводов (А. Глинка, А.В. Тимофеев, П. Алексеев, А. Струговщиков, Н.Н. Голованов, Э.Р., Л.В., В. Дворянинова, А. Набатова, А. Стерхов) тянется вплоть до 2004 г.

При этом выявляется характерная тенденция переводческих стратегий отбора: если на протяжении XIX в. обе баллады Шиллера в равной мере привлекали внимание русских переводчиков (и примерно в половине случаев

обе), то с начала XX в. баллада «Нырлящик» утрачивает свою актуальность (последний ее перевод выполнен в 1900 г.), тогда как «Перчатка» эту актуальность сохраняет вплоть до наших дней. Причина этого рецептивного феномена видится в том, что типологически объединяющий баллады Шиллера сюжет искушения развернут в «Нырлящике» в своей социально-сословной вариации, а в «Перчатке» – в нравственно-этической, и, следовательно, более универсально-общечеловеческой.

Во втором параграфе *«Творческая история, поэтика и проблематика переводов баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) В.А. Жуковским»* реконструирована творческая история переводов баллад Ф.Шиллера В.А. Жуковского: к исследованию привлечена максимально полная совокупность биографических фактов, эстетических воззрений и этических постулатов русского поэта, мотивировавших обращение к этим текстам Шиллера и обусловивших поэтику его переводов. Сопоставление переводов Жуковского с оригиналами на уровне лексико-семантических особенностей русского и немецкого текстов приводит к выводу о концептуальной переакцентуации содержательного уровня баллад, в которых Жуковскому оказался созвучен один определенный спектр смыслов, акцентированный и развитый в его переводах в рамках собственной этико-эстетической и идеологической позиции.

На символических уровнях своей семантики баллада «Кубок» может быть прочитана не только в этическом плане – как нравственная проповедь, не только в романтическом ключе – как история несчастья неравной любви, не только в религиозно-философском смысле – как предостережение для всех тех, кто отважится не повиноваться божественным установлениям: в творческой истории ее перевода Жуковским она предстает и как актуальный политический текст, в котором средневековое предание становится мощной обобщенно-символической аллегорией типично русской социальной проблемы превышения меры земной власти и полномочий земного владыки в

его готовности рискнуть жизнью подданного в безудержной субъективной страсти, природа которой не имеет принципиального значения, поскольку в таком проблемном развороте сюжета на первый смысловой план выходит именно ее абсолютная величина: самовластный произвол.

Переводы баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырятьщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) В.А. Жуковского по праву получили статус конгениальных переводов в русской поэзии. Личность В.А. Жуковского, его роль в литературном процессе и шедевральный характер его переводов оказали сильнейшее влияние на прочтение баллад Ф. Шиллера в России, причем следы этого влияния заметны не только в интерпретации баллад русскими литературоведами, но и в создании последующих переводов русских поэтов.

Этот аспект проблемы находит свое отражение в третьем параграфе первой главы *«Балладная диалогия Ф. Шиллера «Der Taucher» и «Der Handschuh» в переводах русских поэтов XIX-XXI веков»*, в котором комплексно проанализированы последующие русские переводы баллад Ф. Шиллера и рассмотрены реминисцентные мотивы шиллеровских сюжетов и образов в оригинальных произведениях русских поэтов. Большинство переводчиков XIX в. вслед за Ф. Шиллером и В.А. Жуковским воспринимают баллады «Der Taucher» (Нырятьщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) как две составляющие одного «микроцикла». Даже обращение к одному из этих двух балладных текстов неизбежно влечет ассоциации со вторым – чаще всего на сюжетно-образном плане.

В силу ментальных особенностей русских поэтов-переводчиков и специфики русского национального эстетического сознания темы оригинала оказываются как бы транспонированными в другую систему личностных и идеологических ориентиров, и даже если исходная шиллеровская полифония сохраняется, все равно ее компоненты оказываются интонированы и иерархически выстроены иным способом.

Одним из элементов, который объединяет эти две баллады Шиллера в сознании русских поэтов-переводчиков, является любовный мотив. Однако этот мотив каждый из авторов трактует и видит по-разному: если у Жуковского – это чувство (возможно во многом субъективное), ради которого можно пожертвовать всем, даже собственной жизнью, то у Лермонтова – это мотив безответной, обманутой любви, у Струговщикова – мотив любви потерянной и несчастной, у Н. Девиtte – слепая, безоглядная любовь, блокирующая все иные нравственные и личностные ценности. Такую единодушную смысловую трансформацию баллад можно объяснить как особенностями национально-эстетического сознания русских поэтов-переводчиков, так и влиянием переводов В. А. Жуковского, в которых этот мотив по сравнению с оригиналом трансформирован в направлении большей очевидности своего функционального назначения и служит не одной из многих возможных, но единственной эксклюзивной мотивировкой безрассудного и кощунственного поступка героя. Кроме мотива любви, который получает дополнительную смысловую нагрузку в русских переводах, еще одним характерным мотивом для них становится мотив смирения и покорности Божьей воле, также восходящей к переводу Жуковского – таким образом, на первый план выходят проблемы искушения божественного промысла и возмездия за нарушение божественных законов мироздания.

Современные переводчики «Перчатки» – а все они не столько профессионалы, сколько любители-дилетанты, чем объясняется невысокое качество их переводов, позволяют себе более свободное обращение с текстом оригинала, отказываясь порой от поиска эквивалентного слова. Современные переводы баллад в своей совокупности интересны не столько как самоценные тексты, сколько как факт рецептивной истории балладной диалогии Шиллера и как индикатор современных мировоззренческих тенденций, действие которых обращает внимание современной массовой

русской литературы к проблеме личного достоинства человека и способов его защиты от посягательства извне.

Во второй главе *«Основные направления исследовательских интерпретаций баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в России и Германии»* исследуется проблема рецепции баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в России и Германии. Если художественный перевод – это первая стадия рецепции иноязычного текста и его смыслов, то следующие рецептивные стадии – это адаптация и интерпретация переводного текста как художественной структуры в единстве его формально-содержательных элементов, причем оба эти процесса могут иметь вариативное – теоретическое и практическое воплощение, первым из которых будет являться литературно-критическая и литературоведческая интерпретация, а вторым – пародия, обнаруживающая именно те уровни семантики (как содержательной, так и формальной), которые почему-либо оказались важны для переводящей словесности.

Первый параграф второй главы диссертационного исследования *«Психологические характеристики персонажей и идеология баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» («Нырлящик») и «Der Handschuh» («Перчатка») в русской литературной критике и литературоведении XIX-XXI веков»* посвящен интерпретациям баллад Ф. Шиллера русскими критиками и литературоведами XIX-XXI вв. Первое, что демонстрируют интерпретации русских критиков – это существенная этическая переоценка психологической характеристики главных героев баллад. Большинство русских интерпретаторов манифестирует свое единство, обозначая в качестве объединяющего сюжетного лейтмотива балладной дилогии Ф. Шиллера мотив любовный. Возможный в тексте Шиллера побудительный мотив подвига пажа – его корыстолюбие, желание наживы и социальной карьеры – никак не соотносится в русском эстетическом сознании с его психологическим обликом – напомним, тем обликом, который придан ему

впервые в переводах Жуковского. Юноша в «Ныряльщике» предстает в интерпретациях русских критиков высоконравственным, чистосердечным, порой наивным и непосредственным человеком. Большинство из них строят свои интерпретации на основе перевода В.А. Жуковского. В комментариях к балладе традиционно акцентируется мотив христианского смирения, который так характерен для творчества В.А. Жуковского. В тексте Шиллера нет этих призывов к смирению и покорности, юноша, который нарушает запрет и пытается проникнуть в непознаваемое, в балладе Шиллера – отважный безумец и герой; у Жуковского – грешник.

Одна из центральных проблем в балладах Ф. Шиллера – проблема злоупотребления властью – соотносится в интерпретациях русских критиков только с мотивом женской власти (соответственно, позиция героя – это подчинение или бунт) – вероятно, не без влияния того обстоятельства, что Россия вплоть до середины первого десятилетия XIX в. была монархией, и обсуждение проблемы злоупотребления властью даже в литературно-критическом плане не представлялось возможным. Однако несомненно большая притягательность баллады «Ныряльщик» по сравнению с «Перчаткой» для русских поэтов XIX в. до некоторой степени заполняет этот теоретический пробел практикой обращения к сюжету, явно обладающему аллюзионным политическим потенциалом.

В немецком литературоведении этот проблемный аспект шиллеровской диалогии рассматривается в более широком смысле: в контексте религиозно-философских и социально-политических взглядов на природу власти, ее полномочия и границы. Интерпретации немецких литературоведов прямо отождествляют идеологические аспекты содержания образов короля в «Кубке» и Кунигунды в «Перчатке». В русских же интерпретациях эта взаимосвязь образов оказывается потерянной – или, напротив, акцентированной невербальным способом своего высказывания в самом факте парности переводов и их интерпретаций, а также минус-приемом литературно-критической концепции. Цензурные условия русской

литературной реальности, исключавшие возможность свободного и прямого обсуждения действий единой государственной власти в отношении ее обладателя к отдельному частному человеку, предписывали исключительно косвенные, в формах ассоциативной отсылки и намека, способы выражения такого рода смыслов. И в этом отношении балладная диалогия Шиллера оказалась исключительно удобной формой выражения именно тех идеологических взглядов, которые не могли найти себе прямого выражения ни в публицистическом тексте, ни в открытом тексте сюжета художественного произведения.

Во втором параграфе *«Проблема источников сюжета баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в работах немецких литературоведов XIX-XXI веков»* реконструирован ассоциативный фон литературных текстов, которые предположительно могли служить источниками для сюжетов баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) и на котором эта балладная диалогия существует в интерпретации немецкого литературоведения. Анализ литературоведческих работ немецких исследователей не просто выявляет наличие большого количества возможных источников сюжетов баллад, которыми мог воспользоваться Ф. Шиллер – проблема источников сюжета вырастает до уровня семантического центра немецкой рецептивной традиции шиллеровских текстов. Существуют различные точки зрения относительно возможных источников сюжетов шиллеровских баллад (особенно дискуссионной является проблема источника сюжета баллады «Ныряльщик»²). Несомненно для немецких литературоведов одно: а именно,

---

² Сюжет баллады Ф. Шиллера «der Taucher» (Ныряльщик) обработан в следующих текстах немецкой литературы:

Kleist F. Nikolaus der Taucher // Deutsche Monatsschrift, 1792. В.3. С. 53-72;

Goeze J. A. E. Nützlichs Allerlei aus der Natur und dem gemeinen Leben für allerley Leser von Johann August Ephraim Goeze Pastore an der Kirche S. Blasii, Seniore E.E. Ministerii zu Quedlinburg, Ehrenmitgliede der Gesellschaft Naturforschender Freunde zu Berlin, 1785;

Olearius, A. Gottorfische Kunstkammer. Schleswig, 1674;

Nicolaus Melchior de Thevenots. Voyages tant en Europe qu'en Asie et Afrique». Paris, 1689;

то, что Шиллер своими обработками популярных средневековых сюжетов, многократно вариативно изложенных в разных национальных литературных традициях, включился в контактно-типологическую линию развития лироэпических легендарно-анекдотических сюжетов, об актуальности которых в немецкоязычной словесности свидетельствует множественность их обработок³.

Помимо того, что проведенное нами исследование проливает свет на эстетическую, нравственную и социальную позицию Ф. Шиллера, оно также позволяет судить о собственных исследовательских позициях немецких литературоведов относительно поэтики баллад и, главным образом, относительно их морального аспекта. Выдвигая свои гипотетические соображения о возможных источниках сюжетов шиллеровских текстов, ученые тем самым демонстрируют свое понимание заложенной в балладах проблематики. Для одних исследователей (Р. Браймайер, А. Лейтцман⁴) основным мотивом баллады Ф. Шиллера «Ныряльщик» является мотив корысти, поэтому в качестве наиболее вероятного источника сюжета баллады они считают произведения, повествующие о человеческой жадности. По мнению других литературоведов (М.В. Гетценгер, А. Флейшман⁵), именно мотив любви, который не случайно был введен Ф. Шиллером в балладу, имеет печатный источник. Для третьих, наконец (Бенно фон Визе, Х. Зеба, К.

Brondones P. Reisen durch Sizilien und Malta // in Briefen an William Beckford Esqu, 1777. С. 63-64.

³ Guarinonius H. Die Grewel der Verwüstung des menschlichen Geschlechts. – Ingolstadt, 1610. С. 700;

Timoneda H. Romanze von Don Manuel de Leon // Rosas, 1573;

Liebesprobe // Toiletten Kalender für Frauenzimmer», 1796;

St. Foir's Rue des Lions // Essays historiques sur Paris, 1759. В. I;

Les dames galantes par seigneur de Brantôme. Paris, 1834. V. 2. P. С. 227-228.

⁴ Breymayer R. Der endlich gefundene Autor einer Vorlage von Schillers Taucher: Christian Gottlieb Göz (1746-1803), Pfarrer in Plieningen und Hohenheim, Freund von Philipp Matthäus Hahn? // Blätter für württembergische Kirchengeschichte. – Stuttgart, 1983/84. С. 58-59; Leitzman A. Zu Schillers „Taucher“, Hundert Jahre A. Markus und E. Webers Verlag 1818-1918.- Bonn, 1919. С. 136.

⁵ Götzinger M. W. Deutsche Dichter. - Leipzig, 1844. В. 1. С. 285;

Fleischmann A. Ursprung und Bedeutung von Schillers Ballade: Der Taucher // Zeitschrift für den deutschen Unterricht. -Leipzig, 1907. С.575.

Бергманн, В. Зегельбрехт⁶), основной смысл баллады Ф. Шиллера заключен в проблеме злоупотребления властью, следовательно, в качестве первоисточника они приводят произведения, где ключевыми являются проблемы власти и насилия.

Особенно интенсивный характер проблема возможных источников сюжетов баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» («Ныряльщик») и «Der Handschuh» («Перчатка») обсуждается в немецкой литературной критике XIX в., в то время как осмысление и интерпретация нравственной проблематики баллад приобретает все большую актуальность начиная от конца XIX в. и далее.

Третий параграф второй главы ***«Нравственно-философская проблематика балладной дилогии Ф. Шиллера «Der Taucher» («Ныряльщик») и «Der Handschuh» («Перчатка») в интерпретации немецких литературоведов XIX – XXI веков»*** посвящен основным аспектам интерпретации баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Ныряльщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в немецком литературоведении XIX-XXI вв.: они значительно отличаются от соответствующих русских общим направлением исследовательской мысли и пунктами сосредоточения главных исследовательских интересов.

Процесс восприятия национальной литературы одной страны в другой неизбежно определяется политическими, социальными и культурно-ментальными условиями, характерными для общественной жизни воспринимающей стороны. Среди условий восприятия важную роль играет структура общества и природа власти. Различия этих структур в России и Германии обусловили и различия в восприятии общественно-социальной

---

⁶ Wiese B. Friedrich Schiller.- Stuttgart, 1959. С. 613-616;
Seeba H. Das wirkende Wort in Schillers Balladen // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. Stuttgart, 1970. B. 14. С. 309-310;
Bergmann Chr. „Weltgeschichte“ und „Weltgericht“ in Schillers Balladen // Weimarer Beiträge, 1967. № 13. С. 87-88;
Segelbrecht W. Die tödliche Lösung „Lang lebe der König“. Zu Schillers Ballade „Der Taucher“ // Gedichte und Interpretationen, 1988. С. 113-127.

проблематики баллад в обеих странах, выдвигая на первый план интерпретаций характерные для данной ментальности проблемы рецепции.

Многочисленные и нередко противоположные в своих смыслах и дефинициях интерпретации баллады «Нырлящик» немецкими литературоведами XX в. (М. Гофман, Н. Оллерс, Г. Тальхайм, Г. Кайзер⁷ и др.) пересекаются в одном: в их центре находится проблема и ситуация выбора, в которую герои баллад поставлены шиллеровской нравственно-этической обработкой средневековых сюжетов. Это типично трагедийная ситуация, и разрешается она в типично трагедийном ключе: игнорирование возможности выбора и сознательный выбор, имеющий своим следствием разлуку, трагическую вину и гибель – это характерная константа трагедийного драматического жанра. Таким образом, наряду с проблемой источников балладного сюжета, главной проблемой немецких литературоведческих интерпретаций становится жанровое своеобразие шиллеровских баллад. Доминанта этих проблем в немецкоязычной традиции – характерный показатель «родственного» отношения к тексту, порожденному собственной национальной литературной традицией. Для русского литературоведения, учитывая то обстоятельство, что баллада как жанр не имеет национальных фольклорных истоков и является чисто литературным жанром нового времени, проблема жанрового своеобразия не стоит: как это было показано выше, для русской литературно-критической традиции более актуальными являются переводоведческие, нравственно-этические и сюжетно-смысловые аспекты интерпретации.

Сравнение немецких и русских интерпретаций баллад Ф. Шиллера позволяет проследить процесс вращивания произведений немецкого поэта, их

---

⁷ Hofmann M. Der Taucher. Ballade // Schiller Handbuch Leben- Werk- Wirkung. - Stuttgart, 2005. С. 281-283;

Oellers N. Der umgekehrte Zweck der Erzählung «Der Handschuh» // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft, 1976. B. 20. С. 395;

Thalheim H-G. Zum Problem der weltanschaulichen Entscheidung des Menschen in Schillers «Taucher» // Zeitschrift für Germanistik, 1981. №1. С. 433;

Kaiser G. Von Arkadien nach Elysium. Schiller-Studien. - Göttingen, 1978. С. 61-62.

поэтики и духовной ауры в контекст литературного развития России. Однако в русских переводах и интерпретациях баллады Ф. Шиллера приобретают дополнительное романтическое и идеалистическое звучание, поэтому здесь было бы целесообразно говорить о «русском» и «немецком Шиллере». «Русский Шиллер» предстает в балладах в лирико-драматическом окружении, в центре русских «Нырлящика» и «Перчатки» находится не само действие, а скорее общий драматический фон повествования. Таким образом, процесс восприятия баллад Ф. Шиллера в России имеет характер переосмысления, критики или даже существенной трансформации определенных характерных элементов поэтики оригинала.

Одним из наиболее репрезентативных фактов рецептивной эстетики и индикатором адаптации как классического текста к национальному эстетическому сознанию, так и усвоения переводного текста воспринимающей словесностью является пародия. Четвертый параграф второй главы *«Пародии на баллады Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в Германии и в России»* посвящен пародической рецепции баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в Германии и России.

Исследование русских и немецких пародий на баллады «Нырлящик» и «Перчатка» позволяет говорить как о «пародийности», так и о «пародичности»⁸ этих специфических реинтерпретаций текстов Ф. Шиллера. Более ранние немецкие пародийные тексты являются типичным образцом пародии, «направленной на», то есть, такой, которая ни в коей мере не имеет в виду дискредитации своего источника. Авторы пародий используют форму произведений в непародийной функции, как определенный каркас, наполняя ее каждый раз новым содержанием. Поздние пародии, цель которых, прежде всего эстетическая, представляют собой своеобразную пародийную игру с шиллеровскими текстами, которые почти обратились в «литературную

---

⁸ Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. С. 212.

поговорку». В русской литературе пародий на баллады Ф. Шиллера не так много: В.А. Жуковский «Платок Графине Самойловой», М.Ю. Лермонтов «Баллада», М.Ю. Лермонтов «Незабудка», В. Севриновский «Баллада о брошенной перчатке». Даже эти немногие пародии свидетельствуют о том, что данные баллады являются, по терминологии Ю.Н. Тынянова, «литературными фактами», воспоминание о которых возникает в кульминационные моменты развития русского лироэпоса. Эти пародии служат еще одним доказательством органичного включения баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырятьщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) в национальное эстетическое сознание.

В **заключении** работы подводятся итоги исследования на уровне концептуального обобщения выводов и результатов, обозначенных в главах. Изучение рецептивной истории баллад Ф.Шиллера «Der Taucher» (Нырятьщик) и «Der Handschuh» (Перчатка) позволяет утверждать, что они не просто оказались созвучны духовной ауре русской литературы: в своих смысловых и образно-лексических комплексах они стали ее неотъемлемой частью не только в исчерпывающем спектре рецептивных форм восприятия (переводы, реминисценции в оригинальных текстах, пародии, литературно-критические концепции), но и в непрекращающейся способности генерировать творческие обращения к их текстам.

Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с практическими и теоретическими возможностями расширения поля исследования. Практическое направление видится в поиске неизвестных русских переводов баллад Ф. Шиллера, атрибуции анонимных переводов, привлечении архивных материалов, в разработке компаративистских аспектов темы за счет привлечения к исследованию обратных переводов (например, переводов текстов русских поэтов на немецкий язык и изучение их рецептивной традиции в немецкой словесности по тем же основным параметрам). Такого рода эмпирический материал дает необходимое основание для теоретического взгляда на проблемы межкультурной коммуникации,

предоставив возможность выведения и типологического анализа общих закономерностей адаптации иноментальных текстов национальным эстетическим сознанием.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Худорожкова, О.В. Интерпретация баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) русскими литературоведами XIX-XXI вв. // Вестник Томского государственного университета: общенауч. период. журн. Филология. – Томск: Изд. ТГУ, 2007. – №305. – С. 23-25.
2. Худорожкова, О.В. Интерпретация баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) немецкими литературоведами XIX-XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические и прикладные аспекты». – Томск: Изд. ТГУ, 2006. – № 85. – С. 113-118.
3. Худорожкова, О.В. К вопросу об источниках баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» (Нырлящик) и «Der Handschuh» (Перчатка) // Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию основания Томского политехнического университета и 100-летию первого выпуска сибирских инженеров «Коммуникативные аспекты языка и культуры». – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – Ч. I. – С. 315-322.
4. Худорожкова, О.В. Баллада Шиллера «Der Taucher» в переводе В.А. Жуковского. Статистика и проблема семантического соответствия // Сборник научных трудов и материалов V Международной научно-практической конференции «Прикладная филология и инженерное образование». – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – Ч. II. – С. 167-175.